

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
У11

Оформление серии *Г. Булгаковой*

У11 **У нас будет ребёнок!** : сборник. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 448 с. — (Радость сердца. Рассказы современных писателей).

ISBN 978-5-699-95957-0

«У нас будет ребёнок!» Эти несколько слов навсегда меняют наше существование. Новая жизнь, новая радость, новая любовь, долгожданное счастье. Сколько мужчин, услышав эти слова от своей женщины, начинают чувствовать себя счастливыми — и для скольких они звучат точно гром среди ясного неба, перечёркивая перспективы и ломая планы... Ожидание ребёнка, опасения за его здоровье и судьбу, мечты и надежды, материальные и матримониальные проблемы — обо всём об этом читайте в рассказах современных писателей.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-95957-0

© Емец Д., 2016
© Хрусталёва А., 2016
© Кочерина С., 2016
© Снегирёв А., 2016
© Туровская М., 2016
© Аркатова А., 2017
© Абузаров И., 2017
© Воронова М., 2017
© Новиков Е., 2017
© Улья Нова, 2017

© Мавлютова Г., 2017
© Сенчин Р., 2017
© Врублевская Г., 2017
© Белкина М., 2017
© Лунина А., 2017
© Шеглова И., 2017
© Ануфриева М., 2017
© Приудон С., 2017
© Настова Е., 2017
© Оформление.

ООО «Издательство «Э», 2017

ДМИТРИЙ ЕМЕЦ

Отцу

Предисловие

Этот рассказ биографический. Читатель сразу ощутит это, хотя события и подаются от третьего лица. Я начал писать его в тот день, когда у меня родился первый ребенок и жена еще не вернулась из роддома. Я тогда не находил себе места, каждый день ездил в роддом, куда не пускали, поскольку отделение считалось инфекционным, и через закрашенное стекло с процарапанной дырочкой смотрел на ребенка.

Даже на обоях написал: «Родился сын Егор». Потом Егора назвали Ваней, но на обоях он много лет значился как «Егор». А обои, как известно, самый важный в жизни человека документ.

Сейчас детей семь, но отдельный рассказ был написан только о первом, потому что ощущения были самыми острыми. Хотя, конечно, с рождением каждого ребенка связана была какая-то особая неповторимая и часто волнующая история.

* * *

В пять часов утра молодой кандидат филологических наук, преподаватель университета Погодин проснулся от далекого голоса жены, окликавшего его по имени: «Вася, Вася!» Он спал на диване в кабинете — так условно называлась одна из двух комнат их квартиры, где были шкафы с книгами и стоял компьютер. Погодин открыл глаза и, не вставая, прямо с дивана выглянул в дверь, которая была совсем близко.

— Чего тебе? — крикнул он.

По шуму воды он слышал, что жена в ванной. На улице было совершенно темно, и он старался сообразить, который час.

— Я тебя не слышу! Иди сюда, у меня, кажется, началось! — снова позвала жена, на короткое время выключая воду.

Сразу поняв, что именно началось, и испугавшись этого, Погодин встал и, споткнувшись о развешенное в комнате на проволочной вешалке белье, пошел к жене. В одной короткой ночной рубашке Даша стояла в открытой душевой кабине. На правой ноге у нее было что-то влажное, и еще немного склизкой жидкости с розоватыми прожилками протекло вниз, на белую пластмассу кабины.

— Ты не знаешь, что это? Проснулась и вот... Может, уже? — спросила жена жалобно и отрывисто.

Она была беременна первым ребенком на тридцать девятой неделе, и роды ей назначили только через десять дней, в конце сентября. Жена читала толстые правильные книги о материнстве и со свойственной ей последовательностью и до-

верием ко всему написанному на бумаге ждала дальних предвестников родов: ложных схваток, потом схваток настоящих, но редких, набухания молочных желез и других. К тому, что роды начнутся вдруг, безо всякой подготовки и совершенно не по описанным правилам, она готова не была и теперь растерялась, не понимая, что течет у нее по ногам.

Погодин тоже не ожидал, что это будет так скоро, и думал о ребенке как о чем-то далеком, довольно абстрактном. Ему не верилось, что ребенок все эти месяцы находился рядом: у жены в животе, и казалось, что он должен появиться откуда-то извне. Откуда именно, он не задумывался, главное, что это произойдет потом. Даже когда ребенок толкался, часто с большим неудовольствием и даже раздражением, и жена ойкала, Погодину и тогда трудно было представить, что его сын находится так близко — всего под слоем кожи. И лишь порой, когда под ладонью, если долго держать ее на женином животе, обрисовывалось твердое и упрямое *нечто*: голова, спина или плечо, — Погодин понимал, что ребенок все же там и в этом упрямом толкании уже проявляется его, ребенка, *собственная*, независимая от них с женой воля.

— Может, что-то плохо? Я боюсь! Как ты думаешь, что?.. Ведь не должно еще — рано! А? — сказала жена, испуганно протягивая к нему руку.

Погодин взял ее за ладонь и ободряюще слегка пожал. Ему хотелось обнять жену, но он не мог, опасаясь ее заразить. У него была неизвестно откуда свалившаяся простуда, именно поэтому он спал в кабинете на неудобном диване, а не в комнате.

— Схватки уже начались? — спросил Погодин.

— Не спрашивай. Откуда я знаю? — Жена наклонила вперед шею и жалобно посмотрела на себя так, будто никогда не видела себя раньше: тоненькие ноги и перекошенный, обтя-

нутый рубашкой выпуклый живот были словно не ее, а какими-то чужими.

— Как не знаешь? А кто должен знать? — поразился Погодин.

— Может, и начались, у меня болит вот тут! — Даша неопределенно показала рукой на весь живот и стала рассказывать, как сегодня проснулась от ноющей боли и у нее стало что-то подтекать.

Боль не была сильной, и жена вначале не хотела просыпаться, потом звала его, но он не слышал. Даша говорила несвязно, глотая слова, и многого Погодин не понимал, только молча жалел ее, как вдруг под конец жена сказала решительно и деловито:

— Принеси книжку, ты знаешь какую! Принеси же!

Эти внезапные, всегда неожиданные переходы от мягкости и беспомощности к упрямству, властности и даже к деспотизму были вполне в духе Даши, и Погодин к ним привык. Первое время он с ними боролся, переживал их, пытался найти какую-то закономерность, но, так и не обнаружив ее, раз и навсегда отгородился простой, надежной и успокаивающей мыслью: «Она же женщина... У них вечно эти капризы и фокусы. Значит, так надо, и не буду больше об этом думать, портить себе нервы».

Сквозь затуманенное невысыпанием сознание Погодин принимал все словно через пелену. Волнения и беспокойства не было, и он действовал автоматически, воспринимая лишь верхушки происходящих событий. Розоватое пятно на дне душевой кабины ему не нравилось, не нравилось и то, что жена командует им, но он понимал, что сейчас не время для споров. Он пошел в комнату, взял книгу по материнству, написанную двумя учеными немцами, перед именем каждого из которых на обложке стояло чванное «профессор, доктор медицины»,

пролистал ее и, раздражаясь тому, как бестолково она составлена, довольно скоро нашел нужную таблицу.

«Ранние предвестники родов: появление крови, выделение слизи с прожилками крови. Может произойти за несколько дней до появления других предвестников или не произойти до начала схваток», — прочитал он и пошел в ванную повторять это жене.

Он думал, что Даша нетерпеливо ждет его, но она о нем почти забыла, как и забыла о том, что ей нужна была книга. Она включила на полный напор душ и энергично, с решительным лицом и закушенной губой смывала розоватые следы с ноги и днища кабины. Это напомнило Погодину, что так же она вытирает стол после еды и моет полы — трет их с такой неожиданной силой, словно глубоко их ненавидит. Даша всегда была крайне, а порой невыносимо чистоплотна. Два раза в день она мылась, раз в день — мыла голову, часто меняла полотенца и постельное белье — и потому квартира вечно была завешана сохнувшими выстиранными вещами, а в кабинете даже ночью стоял запах сырости.

По тому, как она водила душем и терла мочалкой ногу, словно стремясь стереть с нее заодно и кожу, Погодин решил, что жена не контролирует себя. Опасаясь, что она повредит мытьем ребенку, он, не задумываясь, схватился за душ.

— Сейчас нельзя, выключи!

— Отпусти... нет... буду! Лучше знаю... отстань! — пыхтела жена.

Теперь они оба держались за душ и с силой тянули его каждый к себе, брызгая струей. Жена перетягивала яростнее, с закушенной губой, Погодин же осторожно, но решительно, следя одновременно, чтобы жена не потеряла равновесие и не упала в скользкой кабине. Он был намного сильнее и чувствовал, что берет верх, но, спохватившись, что борется, почти де-

рется с нервничающей беременной женщиной, уступил, смутился и отпустил душ.

Погодин ожидал, что сейчас снова начнутся упреки и слезы, но жена притихла и успокоилась почти мгновенно, не в первый раз удивив его резким переходом от одного состояния к другому.

— Это я, между прочим, рожаю! — сказала она уже совершенно мирно.

Убедившись, что розовые капли снова натекают и остановить их нельзя, Даша наконец сдалась. Она выключила воду, и в ванной повисла внезапная тишина. Нарушая эту тишину, Погодин стал рассказывать о том, что прочитал в книге, но Даше уже было неинтересно: безошибочный женский инстинкт успел подсказать ей, что происходит, и книга о материнстве вновь стала не нужна. «В самом деле, откуда этим двум немцам, никогда самим не рожавшим и даже не способным этого сделать, знать, как это бывает у женщины? С чужих слов? Но что такое чужие слова?» — думал Погодин.

Пока он размышлял над мудростью природы, жена, все еще оставаясь в душевой кабине, ухитрилась за шнур притянуть к себе телефон и позвонила своей тетке, худой и нервной женщине, чьему практическому уму она всегда доверяла. Несмотря на ранний час, тетка сняла трубку после второго гудка, все поняла с полуслова, и уже мгновение спустя звучал ее энергичный и напористый голос.

Погодин ходил по коридору и прислушивался к разговору. Вчера жена и ее тетка ездили в консультацию и с большим усилием добились направления в хорошо оборудованный Институт акушерства и гинекологии, но, не предполагая, что роды наступят так скоро, не взяли какой-то нужной подписи главного врача, без которой направление было недействительно, и теперь решали, как им быть.

После короткого обсуждения было решено, что они подождут еще час, до семи, чтобы понять, действительно ли начались роды или время еще есть. Тетка велела не нервничать и обещала немедленно приехать, но Даша и так уже успокоилась и лишь прислушивалась к себе. Подложив полотенце, она перебралась в кровать и уютно устроилась.

— Остановилось! Знаешь, кажется, совсем остановилось! — несколько раз радостно говорила она, а потом вдруг надувала губы и неуютно ворочалась, поглядывая вниз, сквозь одеяло, и по этому ее движению Погодин понимал, что воды продолжают отходить.

Так прошло еще минут двадцать: жена то дремала, то смотрела на часы, засекая время схваток, то просила Погодина вытащить из бельевого ящика полотенце.

— Не такое! — говорила она нетерпеливо. — Это слишком большое. Дай красное!.. Как нет, когда я помню, что оно там?.. Ой, снова началось! Как ты думаешь, все будет хорошо, а? — добавляла она жалобно и снова продолжала недовольным голосом: — Ну да, вишневое!.. Разве непонятно, что когда я говорила красное, то имела в виду его.

Погодин вышел из комнаты и вновь бесцельно отправился бродить. По мере того как он все больше просыпался, страх и беспокойство пробуждались вместе с ним. Ему казалось, что он волнуется куда больше жены, которая, считая минуты между схватками и меняя полотенца, не имела даже времени волноваться.

Кандидат бесцельно заглянул на кухню с не убранной с вечера посудой и стоявшим на столе, завернутым в газету горшком герани. Потом вернулся в кабинет и устался на диван со сползшей на пол простыней, диван, на котором он так неуютно спал сегодня. «Не лечь ли снова? Нет, не надо.

«Что я, с ума сошел, не сейчас!» — подумал он, испытывая к дивану почти брезгливый ужас.

Пытаясь успокоиться, Погодин подошел к шкафу, вытащил какую-то книгу, кажется, поэзию Кантемира, прочитал, не понимая содержания, три или четыре строки и, не достигнув цели, снова сунул книгу в шкаф.

«Все книги, даже самые лучшие — фальшивки, суррогат чужой жизни, и вот доказательство! — неожиданно подумал он. — Мы читаем их, только когда у нас нет своих сильных чувств. Когда же они появляются — книги забыты. Читаешь, к примеру, об ужасной резне или эпидемии чумы, и ничего — почти равнодушен, а стоит самому порезать палец или заболеть гриппом... Или книги о любви, что стоят описанные там великие роковые страсти перед нашим маленьким, чуть теплым, но своим чувством?»

Погодин хотел уже включить компьютер, чтобы набросать в двух чертах заинтересовавший его этический казус, когда жена снова позвала его:

— Вася, ты где? Ты почему ушел? Мне одной страшно!

Погодин почувствовал стыд, что бросил ее, и поспешил к ней. Хотя Даше было, как она говорила, страшно одной, это не мешало ей спокойно отсчитывать белые гомеопатические шарики, перекладывая их из квадратной картонной коробочки в жестяную, ежедневную.

— Три... четыре... Ну и где она?.. Пять, шесть, семь... Ты ее принес?

— Кого «ее»?

— Как! Мою синюю записную книжку, я же тебе кричала! — повторила жена.

— Разве? Я не разобрал! — искренне удивился Погодин.

Поняв, что он все прослушал, жена решила выразить неудовольствие и сморщила свое гладкое розовое лицо, как толь-

ко одна она это умела. Ее лицевые мышцы были подвижными, как у актрисы пантомимы. В одно мгновение лицо ее прорезало десяток разных складок: две пересекающиеся на лбу, две — под глазами, три — под изгибом носа и одна на подбородке. Эти складки сразу сделали миловидное лицо жены некрасивым, и Погодину это стало неприятно. Он смотрел на жену и сам, не замечая, морщился, точно пробовал что-то кислое.

— Не делай так, я же тебя просил! Зачем ты портишь себя? — сказал он и скорее вышел за записной книжкой.

Услышав, как во двор быстро въехала и затормозила машина, он с записной книжкой в руках подбежал к окну и выглянул в него. Подъехавшей машины уже не было видно — ее надежно закрывала огромная, разлапистая, не пожелтевшая еще липа. Но и не видя машины, Погодин был уверен, что приехали к ним, и хлопнувшая железная дверь подъезда подтвердила, что он угадал. Вскоре по лестнице послышались торопливые шаги, а потом звонок, давно барахливший, неохотно хрюкнул два или три раза.

Если звонок сделал вид, что позвонил, то Погодин сделал вид, что заспешил к дверям. Мельком поздоровавшись, в квартиру быстро вошла вначале маленькая юркая женщина с короткой стрижкой, а за ней — высокая полная женщина с добродушным, но словно бы навсегда обиженным лицом. Первая была тетей Даши, вторая — ее матерью, за которой тетьа заехала по пути.

Обе гостьи, одетые, видно, в большой спешке, быстро проскочили мимо Погодина и исчезли в комнате жены. Оттуда сразу послышались напористые голоса — началась их вечная семейная битва. Все трое — жена, тетка и теща — по отдельности были женщинами неплохими и вполне безобидными, но стоило им собраться вместе, как словно соединялись простые химические реактивы, безопасные по отдельности,

но вместе образующие порох или динамит. Достаточно было искры или сказанного неосторожно слова, как следовала цепь оглушительных взрывов.

Вот и теперь, не слушая друг друга, все три женщины говорили об одном и том же: что нужно не рисковать и как можно скорее ехать в роддом. Хотя все говорили одно, каждой почему-то казалось, что ее не понимают и с ней спорят, и голоса звучали все громче.

Погодину не хотелось идти в комнату, где бы его сразу стали заставлять принять чью-нибудь сторону, что было бы невозможно, потому что сторона была одна. Он прислонился спиной к стене и стал забавляться тем, что то прикладывал к ушам ладони, то отнимал их. Это приводило к тому, что слова говорящих расплывались и теряли смысл, а оставались одни голоса.

«Ти-ти-ти! Ту-ти-та! Та! Та!» — говорила жена. «Бу-бу-бу-бу!» — возражала ее мать. «Тра-та-та-та-та!» — перекрывала всех энергичная тетка. Наконец «ти-ти-ти» и «бу-бу» выдохлись и смолкли, и осталось лишь «тра-та-та-та».

— Наши победили! — негромко сказал Погодин и отнял ладони уже совсем.

Внезапно ему стало стыдно, что в такую ответственную минуту он ведет себя как мальчишка, и он вошел в комнату.

Жена лежала на кровати и быстро перелистывала телефонный справочник. Ее мать, видно не представляя, чем ей занять руки, вертела в руках синюю пустую чашку без ручки, в которой Погодин утром приносил Даше чай. Тетка искоса, по-птичьи, взглянула на Погодина и продолжала быстро говорить в трубку:

— Как нельзя, почему? У нас к вам направление из консультации и обменная карта!.. Почему в последний момент? Срок только через неделю! Сами понимаете, никто ничего

точно знать не может... Да-да, я понимаю, что у вас определенные правила, но нельзя ли сейчас подъехать, а потом уже попасть на прием?.. Не практикуется? Значит, вы считаете, шансов попасть к вам нет? Нет, в свой она не хочет... Вы не знаете, а кто должен знать, в чьей это компетенции, вашего главного врача?.. Нет, я на вас не кричу, я так советуюсь!.. Девушка, милая, ну подскажите же вы нам, войдите в положение...

Тетка, разговаривавшая по телефону, напоминала Погодину маленькую юркую ласку или лисицу, которая бежит вдоль сплошного деревянного забора и ищет малейшую щель, чтобы попасть в курятник. Но этот забор, очевидно, был совсем уж непролазным, потому что, когда тетка повесила трубку, с ее лица сразу сползло выражение приветливого внимания, которым она дистанционно старалась загипнотизировать свою собеседницу.

— Вот гады-гады-гады! — скороговоркой, без злости сказала тетка, и «гады-гады-гады» слились у нее в одно длинное слово. — Они тебя в Институт акушерства не возьмут: мы у них не успели карту завести. Что ж ты одного дня дотерпеть не смогла?

— А без карты нельзя? Или сейчас ее завести? — растерянно спросила Даша, явно не понимавшая, зачем нужна карта, когда у нее есть живот и ребенок, стремящийся его покинуть.

— Не будь душой! У них так заведено! Карта, обследования, анализы — и только их специалистами! Раньше надо было думать! — одернула ее тетка.

Она сама работала в министерстве — в бюрократическом учреждении — и знала, как велика сила бумаги.

— Не надо было метаться! — басом сказала теща. — Говорила я, выбери себе один роддом и ходи вокруг него, пока не приспичит.